

УДК 34.03

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА СУБЪЕКТОВ, ОБЛАДАЮЩИХ СПЕЦИАЛЬНЫМ ЮРИДИЧЕСКИМ СТАТУСОМ И ПРАВОВЫМИ ПРЕИМУЩЕСТВАМИ: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ

А. Г. Репьев

заместитель начальника кафедры административного права
и административной деятельности органов внутренних дел,
кандидат юридических наук,

Барнаульский юридический институт МВД России

e-mail: repev-artem@yandex.ru

***Аннотация.** В статье освещаются современные тенденции состояния правовой культуры должностных лиц государства, обладающих в силу особенностей своей деятельности специальным правовым статусом и правовыми преимуществами. На основе анализа законодательства и судебной практики приводятся примеры деликтного поведения данных субъектов и очерчиваются контуры выхода из сложившейся ситуации.*

***Ключевые слова:** правовое преимущество, специальный правовой статус, иммунитет, неприкосновенность.*

***Annotation.** Current trends of a condition of legal culture of the officials of the state possessing owing to features of the activity, special legal status and legal advantages are covered in article. On the basis of the analysis of the legislation and judicial practice examples of delictual behavior of these subjects are given and exit contours from current situation are outlined.*

***Keywords:** legal advantage, special legal status, immunity, inviolability.*

Правовые преимущества, выступая средством обеспечения независимости и беспристрастности должностных лиц государства, наделенных специальным правовым статусом, все чаще воспринимаются последними в деформированном качестве. Речь идет об использовании таких разновидностей преимуществ, как иммунитет и особая правовая процедура в виде «индульгенции», «гарантии безответственности».

Анализ отечественного законодательства и судебной практики показывает, что отрицательный потенциал иммунитетов и особых правовых процедур возможен исходя из объективных и субъективных факторов.

К первым относится искажение подлинного назначения преимуществ в результате практики их реализации (судебной, деятельности органов исполнительной власти и иной), при которой социально и государственно-полезные цели, задачи иммунитетов, особых правовых процедур фальсифицируются, а сами они реализуются во вред общественным отношениям.

Ко вторым относится деликтность поведения лица, наделенного правовыми преимуществами и использующего их сверх установленной меры, превышая регулятивный потенциал.

Весьма показательной в этом ключе выглядит ситуация с привлечением к административной ответственности сотрудников прокуратуры. Как известно, реализуя принцип равенства перед законом (ч. 1 ст. 1.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ)), законодатель не забыл и о дифференциации мер принуждения, установив «особые условия применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении и привлечения к административной ответственности должностных лиц, выполняющих определенные государственные функции (депутатов, судей, прокуроров, сотрудников Следственного комитета РФ и иных лиц)» (ч. 2 ст. 1.4 КоАП РФ).

Норма данной статьи является бланкетной, она ориентирует правоприменителя по меньшей мере на семь нормативных правовых актов. Одним из них выступает Федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», закрепивший, что «проверка сообщения о факте правонарушения, совершенного прокурором, является исключительной компетенцией органов прокуратуры» [1, ч. 1 ст. 42].

Опустим здесь моменты, связанные с несовершенством законодательной техники и пренебрежением к терминологическому разграничению конструкций «правонарушение» и «административное правонарушение». Обратим внимание, что под запретом для сотрудников правоохранительных органов (полиции, Росгвардии и пр.), гипотетически выявивших совершение сотрудником прокуратуры административного правонарушения, оказалось применение таких мер принуждения (в классической конструкции — пресечения и процессуального обеспечения), как «задержание, привод, личный досмотр прокурора, досмотр его вещей и используемого им транспорта» [1, ч. 2 ст. 42].

Использование потенциала правовых преимуществ во вред интересам общества и государства в данном случае проявляется в требованиях сотрудников прокуратуры о признании незаконными действий сотрудников полиции по применению к ним любых (помимо указанных выше) мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении. Таких фактов немало [2; 3].

Следует понимать, что иммунитет должностных лиц государства, выполняющих публичные государственные функции, исходя из общего восприятия законодательства, направлен на создание режима их личной неприкосновенности (физической, духовной и пр.) и неподверженности общим нормам только в целях беспрепятственного выполнения служебных обязанностей. Однако ана-

лиз судебной практики, например, по фактам задержания сотрудников прокуратуры при управлении транспортным средством в состоянии опьянения либо с затонированными стеклами, показывает иное.

Суды общей юрисдикции, ссылаясь на норму об «исключительной юрисдикции прокурорских работников», признают законными действия сотрудников полиции по отстранению от управления транспортным средством, освидетельствованию на состояние алкогольного опьянения и медицинскому освидетельствованию на состояние опьянения (ст. 27.12 КоАП РФ) только со ссылкой на факт отсутствия объективных данных, указывающих на принадлежность лица к органам прокуратуры. В частности, «скрыв проходившее обучение в органах прокуратуры, ФИО, тем самым отказавшись от предусмотренной законом процедуры расследования, обеспечивающей дополнительную защиту его прав как спецсубъекта» [2].

С подобной позицией вряд ли можно согласиться. Если представить себе ситуацию, при которой лицо, управляющее транспортным средством, не станет скрывать свою принадлежность к данному органу власти, то реализовать вышеуказанные меры (а их осуществление возможно только «должностными лицами, которым предоставлено право государственного надзора и контроля за безопасностью движения и эксплуатации транспортного средства соответствующего вида») станет не под силу. При предъявлении служебного удостоверения, например, в помещении для медицинского освидетельствования, подобное лицо должно быть отпущено, а материалы с соответствующим рапортом сотрудника полиции передаются органам прокуратуры для решения вопроса об ответственности [4]. Доказать впоследствии (к примеру, по прошествии суток или двух, затраченных на передачу материалов) нахождение лица в состоянии опьянения станет невозможным по естественным причинам вытрезвления.

Ряд иных нарушений законодательства о безопасности дорожного движения со стороны лиц, обладающих правовыми преимуществами в виде иммунитета, прямо оправдан судебными органами с «подачи законодательства». К примеру, управление личным автотранспортом, на котором установлены стекла (в том числе покрытые прозрачными цветными пленками), светопропускание которых не соответствует требованиям технического регламента о безопасности колесных транспортных средств (ч. 3.1 ст. 12.5 КоАП РФ). Замеры светопропускания стекол, без которых невозможно решение вопроса о наличии в действиях лица признаков состава данного правонарушения, судами трактуются как «фактически осуществление досмотра транспортного средства» [5], что, как установлено ранее, запрещено в отношении данной категории субъектов. Преимуществом легализована безнаказанность, вседозволенность представителей власти и надзирающих органов. Должностное лицо органа прокуратуры,

обладающее предположительно повышенным уровнем правосознания и правовой культуры, и в рассмотренном примере, и в ряде других [6] не отрицало факт своих незаконных действий, демонстративно избегая ответственности под защитой своего специального правового статуса.

В период кризиса власти, непоследовательности правовой политики дефекты законодательного закрепления правовых преимуществ становятся отчетливо видны, а субъекты, наделенные ими, наиболее подвержены соблазну воспользоваться особым положением в государстве, создав себе необходимую «подушку безопасности» от социальных потрясений, возможных проблем финансового характера. Наличие для государственных служащих юридического образования и, как следствие, развитого правового сознания является зачастую не сдерживающим от злоупотребления преимуществами фактором, а нередко — инструментом «легализации», обличения в правовую материю своих действий.

В качестве меры, направленной на снижение отрицательного потенциала правовых преимуществ, следует предложить правильное, несколько иное, нежели сегодня, использование медиапространства, средств массовой информации. Подобные институты гражданского общества могут повлиять (как положительно, так и отрицательно) на расслоение общества и последующее социальное отторжение личности. Следует прививать иные идеологические ценности, не построенные на обществе потребления. Погоня за продукцией материального мира (недвижимость, транспорт, предметы роскоши), культивирование идеи обладания ими в ущерб нравственному развитию упрочат негативные тенденции общественной жизни. Правовые преимущества не должны восприниматься как самоцель (поступление на государственную службу и пр.), высшее благо, ради которого человек преступает мораль, а за ним и право. Это лишь сопутствующий атрибут тяготам и лишениям службы Отечеству, средство благоприятного осуществления своей деятельности и положительная оценка со стороны государства.

1. О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон, 17 янв. 1992 г., № 2202-1 // Собрание законодательства Рос. Федер. 1995. № 47. Ст. 4472; 2018. № 45. Ст. 6829. [Вернуться к статье](#)

2. Решение Ленинского районного суда г. Иваново, 22 июня 2017 г., № 12-171/2017 по делу № 12-171/2017 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: официальный сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 05.03.2019). [Вернуться к статье](#)

3. Постановление Ивановского областного суда, 13 нояб. 2017 г. № 4А-302/2017 по делу № 4А-302/2017 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: официальный сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 03.03.2019). [Вернуться к статье](#)

4. Об утверждении административного регламента исполнения МВД России государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства РФ в области безопасности дорожного движения [Электронный ресурс] : приказ МВД России, 23 авг. 2017 г., № 664, п. 303. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

5. Решение Промышленного районного суда г. Смоленска, 12 сент. 2016 г. № 2А-3566/2016 2А-3566/2016-М-3013/2016 по делу № 2А-3566/2016 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: официальный сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата доступа: 01.03.2019). [Вернуться к статье](#)

6. Решение Западно-Сибирского окружного военного суда (Новосибирская область), 7 апр. 2016 г. № 7-17/2016 по делу № 7-17/2016 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ: официальный сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 11.11.2018). [Вернуться к статье](#)